
АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ СУСПІЛЬНО-ГУМАНІТАРНОГО ЗНАННЯ І ОСВІТИ

В.И. Менжулин

ФИЛОСОФИЯ С "МЕРКАНТИЛЬНОЙ" ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Едва ли кого-то удивит тезис о том, что определение сущности и назначения философии было и остается одной из сложнейших проблем. Однако менее прозрачна мысль о том, что для наших времен *и пространств* это утверждение приобретает особую остроту и актуальность. Как считает одна из ведущих представительниц отечественной философской мысли, сегодня философия все чаще кажется чем-то совершенно излишним: "Ее право на существование становится проблематичным, она со своими претензиями на всеобщий охват превращается в лишь усложняющий жизнь "хлам премудрой никчемности"..." [1].

Я хотел бы развить эту мысль (разумеется, на свой собственный – многие скажут: "меркантильный" – лад) и обратить внимание на определенные аспекты современного жития-бытия философии в украинском социуме. Аспекты эти, как мне думается, действительно делают *проблематичным* само право на существование этой давней интеллектуальной традиции. И тем не менее, Ваш покорный слуга никогда не взялся бы писать эту статью, не будь он уверен, что способ сделать философию весьма даже адекватной самым жестким практическим требованиям (хотя бы даже и *меркантильным* или *утилитарным* – как кому больше нравится) современности *существует*. С Вашего, ува-

жаемый читатель, позволения начну, как может показаться на первый взгляд, издалека.

О том, что статус философии в отечественной академической системе является по крайней мере дискуссионным, свидетельствует хотя бы тот "формальный" факт, что само по себе слово "философия" имеет для научных работников большинства академически развитых стран значение, несколько отличное от того, которое привыкли придавать ему представители отечественной науки. Речь идет о таком, на первый взгляд, весьма странном и чуть ли не устаревшем "артефакте" академической культуры Запада, как степень "Ph.D in..." (Доктор философии в какой-то научной дисциплине). Что это означает – для них и для нас?

Отечественный физик изучает философию как отдельный предмет в студенческие годы, сдает кандидатский экзамен по философии в начале своего аспирантского обучения (как правило, имея большие сомнения относительно целесообразности этой акции), а потом, также как правило, уже не особо вспоминая о философии, становится кандидатом и доктором физико-математических наук. В западных странах все по-иному: ученый-физик, защитив диссертацию, сразу получает степень доктора, причем не просто доктора физики, а доктора *философии* (Philosophy Doctor – Ph.D.) по физике. Итак, имеются определенные формальные расхождения. Но есть ли смысл вообще обращать на них внимание? Не является ли существование такой ученой степени как Ph.D. данью каким-то давним и неактуальным нынче традициям?

Как представляется автору этих строк, это вовсе не "мелкие" или "формальные" отличия, а, наоборот, – повод для чрезвычайно серьезных раздумий. Более того, мне кажется, есть все основания задуматься над *принятием* нашим академическим сообществом этих "англо-американских" стандартов. Первый аргумент в пользу необходимости подобной реформы базируется на простых принципах здравого смысла. Почему бы не начать жить согласно нормам, которые доминируют в большинстве академически развитых стран: **1) бакалавр, 2) магистр, 3) Ph.D.**? Зачем изобретать велосипед? Зачем превращаться в остров, оторван-

ный от всего остального академического мира? Зачем с самого начала создавать препятствия на пути к интеграции отечественных интеллектуалов во всемирную интеллектуальную жизнь? Зачем, наконец, слепо держаться за старинную систему академических градаций (две диссертации), которую мы когда-то переняли у немцев, в то время как в самой немецкой науке последние десятилетия идет активное приспособление к англо-американским стандартам? Казалось бы, ответ на все эти вопросы совершенно прозрачен. Однако ситуация значительно сложнее, чем хотелось бы.

Предположим, что наша образовательная система принимает западный стандарт. У нас появляются бакалавры, магистры (что уже кое-где происходит, но, скорее, как заморская экзотика, нежели как норма, полностью принимаемая обществом) и – главное! – Ph.D. (чего пока еще, насколько мне известно, не случилось¹). В связи с последним предположением – идеей о появлении на академических просторах Украины такой научной степени, как *Philosophy Doctor in something*, – есть смысл обсудить несколько проблем.

Поскольку автор данной статьи – именно "философ" (специалист по философии + кандидат именно философских наук), появление такой приставки (Philosophy) в научных степенях специалистов высокого уровня почти всех других специализаций ему лично "греет сердце", "тешит душу". Ведь ни для кого не секрет, что ценность изучения философии (особенно для себя лично) представители самых разных наук традиционно не очень хорошо понимают, нередко относятся к этому занятию с едва скрываемым безразличием, а то и вовсе – с презрением. С момента введения в академическое употребление такой номенклатурной единицы, как Ph.D., даже химики с математиками, хотя бы формально, волей-неволей начнут ощущать свою связь с философией. Философия, при таких (измененных) условиях, приобретет, по крайней мере виртуально, более высокий статус. У

¹ Некоторые молодые ученые, получившие степень Ph.D. в западных университетах, а потом возвратившиеся в Украину, насколько известно автору этих строк, имели и имеют на своей родине серьезные затруднения с признанием их академического статуса.

философского сообщества появится давно утраченный шанс перестать быть герметичной консервной банкой со знаниями "в себе" и "для себя". Философия, сначала на формальном уровне, сможет снова претендовать на статус царицы всех наук. Чудесно! Однако подобная эйфория не должна заслонить реальную проблему. Последняя состоит в том, что для того, чтобы действительно начать восприниматься академическим сообществом как нечто полезное и интересное, отечественная философия и сама, вероятно, должна измениться. Но в каком направлении?

Для ответа на этот вопрос, вероятно, имеет смысл сперва признаться, какое понимание философии представляется наиболее адекватным самому автору этих строк. Что является ее предметом? Предметом философии является, как ни банально это звучит, *действительность*. Причем вся действительность как таковая, целиком и полностью. Та же самая действительность, разными аспектами изучения которой обеспокоены все остальные науки и не только они. Разумеется, напрашивается вопрос: чем в таком случае отличается философия, скажем, от физики или биологии? Некоторым всеобъемлющим, всеохватывающим подходом, универсальным мировоззрением? Я считаю, что утверждать такое – огромная стратегическая (согласно новомодной терминологии лучше сказать – *пиаровская*) ошибка!

Заявляя, что специальные науки занимаются-де отдельными аспектами действительности, в то время как философия царственно все и вся обобщает, мы роим для нее могилу. По крайней мере в общественном сознании, роль которого, хочется верить, будет только возрастать. Физики и биологи потешались и будут потешаться над философами, которые, будучи большей частью ни с физикой, ни с химией не знакомыми, все дальше отходят от экспериментального знания, но при этом все время стараются все обобщать.² И в определенной степени мы, философы, этого

² Вот, например, как передается эта распространенная мысль о всеохватывающем характере философствования в одном из наиболее популярных учебников философии последнего десятилетия: "... множинність філософського знання і характеризує його як знання *світоглядне*. А що ж таке світогляд? У найелементарнішому розумінні слова – це *найзагальніше* (курсив мой – В.М.) усвідомлення людиною навколишнього світу, свого місця в ньому, свого ставлення і відношення до цього світу і до себе..." [2. – С. 16-17].

заслуживаем. Такая амбициозная самопрезентация философии неминуемо делает ее объектом насмешек с дальнейшим остракизмом со стороны тех, кто хотя бы раз занимался, или по крайней мере пытался заниматься, чем-то конкретным, эмпирическим. Подавляющее большинство студентов, даже гуманитарного профиля, настроены именно так. Студентам, в особенности на самых ранних стадиях обучения (бакалаврат или наша традиционная 5-летняя система), хочется научиться чему-то прикладному, чему-то такому, что в очень близком будущем принесет ощутимые результаты. Это нормальное желание неокрепшего разума. Между прочим, справившись с этой простой задачей, можно счастливо прожить всю жизнь. Но к этим, настроенным на получение конкретных знаний и навыков, молодым людям приходит философия с ее страстью к обобщениям, причем чаще всего по поводу так называемых "общечеловеческих" вопросов, т.е. тех самых, о которых почти у всех студентов уже есть определенные и зачастую весьма стойкие представления. Они ей не верят. И, что самое печальное, они имеют на то основания.

Рассмотрим такую ситуацию: семнадцатилетние юноши и девушки обсуждают на семинаре по философии³ проблему фактности человеческого существования. Что это, как не насилие над природой? Проблема смерти, конечности – это проблема второй половины жизни. Что может сказать о смерти человек, которому еще нет и двадцати лет отроду?! Вообще, нужно ли его к таким размышлениям подталкивать? Он еще успеет над этим задуматься – жизнь заставит. Но именно на таких "вечных вопросах" в постсоветские времена стало модно сосредотачивать внимание студентов, слушающих философские курсы: смысл бытия, сущность истины, уникальность человеческого существования, соотношение веры и разума, назначение человека... Безусловно, определенные связи с точным и естественнонаучным (или "эпистемным") знанием в преподавании философии остались. Одной из обязательных тем философских курсов является, скажем, теория познания. Однако, как кажется автору этих строк, этого абсолютно недостаточно: если студент не име-

³ Философию в высших учебных заведениях Украины принято преподавать именно на самых первых курсах.

ет четкого и глубокого понимания того, что случилось с физикой, биологией в XX столетии, ему едва ли есть смысл слушать лекции по современной эпистемологии. В лучшем случае, он просто заучит наизусть и перескажет надиктованные ему основные положения. Однако это будет лишь отдаленный отзвук подлинных философских рефлексий.

Тогда, возможно, нужно попросту отменить философию и заменить ее, например, физиологией высшей нервной деятельности? Разумеется, нет. Просто в преподавании философии нужно учитывать самое главное – ее роль и место в системе научного знания. Философия, с одной стороны, не имеет права презентовать себя как всеохватывающая "наука наук", поскольку это весьма дерзко. С другой же стороны, она никак не вправе оставаться и "наедине с собой" (подобная установка – естественная "оборотная сторона" первой), поскольку в таком виде она неизбежно превращается в "хлам премудрой никчемности". Единственный выход состоит в признании того, что философия не является чем-то от других наук обособленным, самостоятельным, а, наоборот, представляет собой лишь специфический уровень развития физического, биологического или *любого* другого знания.

Именно так: *любого* знания! Только такая установка может сохранить за философией статус общественно полезного и привлекательного явления. К величайшему сожалению, среди многих моих коллег господствует предположение, что философия живет в каком-то *другом*, ирреальном мире, что она имеет какое-то высшее (не всем понятное!) назначение – не для всех и не для всего. Такое восприятие философии является поздним отголоском дискуссии, имевшей место между "британской" и "немецкой" (или, как еще говорят, "островной" и "континентальной") традициями еще в начале XIX столетия. Вспомним саркастические филиппики, метавшиеся в адрес "плоских" англичан одним из главных предшественников "вечно живого" марксизма-ленинизма Г.В.Ф.Гегелем: "...философией стали называть всякое знание, предметом которого является познание устойчивой меры и *всеобщего* в море эмпирических единичностей... У англичан название *философии* еще и по настоящее время сохра-

нило этот смысл, и *Ньютона* продолжают там прославлять как великого философа" [3. – С. 91-92]. Если, с точки зрения немецкой традиции, даже такая грандиозная интеллектуальная революция как система мироздания, созданная Ньютоном, не имеет права называться философией, что уже говорить о других (еще более эмпирических и потому, надо полагать, еще более "мелких" дисциплинах). Гегеля, например, ужасно злил тот факт, что один из тогдашних английских журналов имел название "Анналы философии, или журнал химии, минералогии, механики, естественной истории, сельского хозяйства и искусств". Неприемлемым для "венца" немецкой классической философии был и тот факт, что "английские государственные деятели даже в публичных речах часто употребляют выражение "*философские начала*" для обозначения всеобщих политико-экономических принципов" и других, как ему казалось, отдаленных от настоящей философии сугубо практических дел [3. – С. 92].

Да, это очень давний спор. И в пределах современной западной системы градаций академического роста его основной вопрос уже разрешен – совсем не в пользу Гегеля, а скорее так, как хотели объекты его "сокрушительной" критики. Но отечественное философское сознание, для которого именно гегельянский стиль мышления долгое время оставался образцом профессионального совершенства, и до сих пор находится в путах подобного узко-цехового самомнения (не производного ли, как водится, от чувства собственной неполноценности?). Уверовать в какую-то мистическую обособленность философии, а соответственно и в то, что ей можно учиться отдельно от всего прочего, то есть как особому предмету и, соответственно, как отдельной профессии, нам очень "помогла" все та же специфически советская (и, как мне кажется, абсолютно искусственная) редакция градаций академического роста – специалист, кандидат, доктор наук. Разумеется, не одна лишь верность гегелевским завещаниям была причиной появления и канонизации этой замертво рожденной системы академических координат. Здесь имели место и другие, значительно более меркантильные мотивы, в первую очередь – идеологического сорта.

Но сейчас поведем речь о нормальном, общемировом состоянии дел. В чем суть западной системы? Например, из стен западного университета выходит *бакалавр* биологии. Он знает многое, но не все. Соответственно, он кое-что может делать, но тоже не все. Это неплохой исполнитель. Есть мастер (магистр) биологии. Он знает все, что известно современной биологии. Он может руководить, если речь идет о какой-то прикладной задаче, которую можно решить с использованием уже имеющихся знаний. А есть и еще одна – высшая градация. У нее, как я уже говорил, довольно странное название: Ph.D. (Philosophy Doctor) in biology / physics / chemistry / psychology и так далее, то есть Доктор философии в области биологии или физики, или химии, или психологии, или чего-нибудь другого. Что это означает? Это означает, что некий человек постиг все имеющиеся биологические (физическое, химические, психологические и т.п.) знания, провел ряд исследований, экспериментов и начал по поводу этого эмпирического материала философствовать, рефлексировать, то есть двигаться в направлении к тому, что *еще не познано*. Этот человек не просто знает все в биологии, он сделал хотя бы маленький шаг за пределы имеющихся знаний. Он открыл что-то новое. Он стал "Философом Биологии". Это весьма почетное звание. Такая философия – плод продолжительного (и большей частью самостоятельного) интеллектуального роста, а не извне навязанный *анти*-биотик. Она вырастает не на пустом месте. Ее значимость очевидна всем. Обобщения такого рода признают все. Такая философия нужна обществу. Такими философами стремятся стать. И еще одна немаловажная деталь: их явственно осязаемый труд заслуживает, что признают почти все, столь же осязаемого *материального* вознаграждения, не говоря уже о публичном признании.

Кстати, большинство всемирно-признанных философов шли именно таким путем. Уже упоминавшийся сторонник аристократической превосходства философии по сравнению "мелкими" ветвями знания (Гегель) стал собственно *философом* в самом конце. Сперва он учился в Институте *теологии*, которая в ту пору была, а для верующих людей остается и поныне, тоже своего рода эмпирией, простым практическим инструментом.

Зигмунд Фрейд сперва сдал все необходимые экзамены по медицине, а уже потом создал свою медикаментозную философию под названием "психоанализ", и потому преподавать оную людям, не знакомым с азами современной психиатрии, не просто бессмысленно, а даже вредно. Карл Маркс начинал с изучения права и политэкономии. Энгельс из первых рук получал информацию о том, что такое производительные силы и производственные отношения. Его тезка – Ницше был ассом в классической филологии, чего не скажешь о многих из тех, кто изучает и преподаёт его философию. Герберт Спенсер начинал как инженер: строил железные дороги. Бэкон был гроссмейстером политических интриг. Декарт – мушкетером и, по совместительству, великим математиком. Из математики же родом и феноменология Гуссерля. Ньютон и Карнап – физики. Физике учился и Томас Кун, без ссылки на которого сейчас не обходится ни один философский учебник. Спиноза – расстрига, но все-таки теолог. А Джордж Беркли с Николаем Кузанским и Фомой Аквинским со своих церковных позиций никуда и никем не изгонялись. Кант – преподаватель географии! Клод Леви-Сторсс создавал свой структурализм прежде всего исходя из потребностей этнографии и антропологии. И так почти везде и всегда.⁴

Итак, если спорным является сам факт обучения философии как базовой специальности, если "философия с первого курса" не всегда нужна даже будущему философу, что уже говорить обо всех остальных? Философия как признак рефлексии довольно высокого уровня и как проявление не менее высокого уровня зрелости духа не должна появляться на правах обязательного курса перед совсем юными "андергрэдюзитами", то есть, попросту говоря, первокурсниками. Философия на первых курсах медицинского или политехнического, или торгового института – практически всегда нонсенс. Таким поспешным пришествием

⁴ Я вовсе не хочу сказать, что среди воспитанников философских факультетов выдающихся личностей не найти вовсе. В числе "философов по базовому образованию" можно встретить таких уникалов как, скажем, Густав Малер, Эрнст Неизвестный или Кшиштоф Занусси. Проблема лишь в том, что уникальны они не столько как философы, сколько как композитор, скульптор и кинорежиссер соответственно!

она только сама себя девальвирует и навсегда превращается в сознании этих "жертв раннего философского образования" во что-то лишнее и даже безумное. Молодым людям, узревшим ее именно такой, никогда не захочется называть себя *философскими докторами* в своих родных областях.

Более того, философии, даже если студент другой специализации уже определенным образом до нее "дозрел" (возможно, на последнем курсе бакалаврата, а может – только в рамках магистерской программы), и в этом случае лучше подождать с всеохватывающими соображениями относительно бытия и небытия, смерти и бессмертия и т.п.. Вместо этого лучше попробовать подать себя в качестве достаточно специализированной дисциплины. Лингвистам, скорее всего, будет интересной и полезной философия языка, математикам – философия математики и логика, культурологам – философия культуры, инженерам – философия техники, медикам – биоэтика и так далее. Однако, пока мы имеем иную тенденцию: если кто-то из преподавателей на свой страх и риск пробует проводить подобную диверсификацию преподавания, то это совсем не норма, а скорее исключение. И опять-таки, философские аспекты языка могут быть восприняты лишь тем молодым лингвистом, который уже имеет довольно серьезные познания в своей базовой специальности. Кроме того, чтобы кто-то преподавал философию в таком стиле, нужно, чтобы кто-то готовил довольно специфических специалистов по преподаванию этой самой философии. Готовят ли их у нас?

Автору данной статьи кажется, что в данном случае очень полезным может быть опыт Запада, точнее сравнение этого опыта с нашим собственным. Из западных академических учреждений я более или менее знаком с Гарвардским университетом. Среди украинских университетов наиболее адекватной парой для сравнения с Гарвардом есть смысл считать Национальный университет "Киево-Могилянская Академия" – как едва ли не наиболее "прозападный" университет нашей страны. В обоих университетах мне довелось работать (в Гарварде – семь месяцев по программе научных обменов, учрежденной фондом им. В. Фулбрайта, в НаУКМА же – с 1993 по 1997 гг. в качестве

штатного преподавателя, а с 1997 по настоящий момент – зао-жего совместителя). Однако дабы не бравировать наличием ка-ких-то особых "кулуарных" сведений о житии философии в Гарварде и в НаУКМА, попробую воспользоваться для своего компаративного анализа *общедоступными*, открытыми для все-общего обзора данными. Хочу подчеркнуть также, что об их обнародовании позаботились *сами* эти учреждения.

Каких философов готовят в НаУКМА, если судить об этом лишь на основании *само*-презентации кафедры философии дан-ного ВУЗа во всемирной электронной сети? ЧИСТЫХ! Филосо-фов для философии. Философов, которые слушают преимуще-ственно чисто философские курсы и почти ничего не знают о том, как живут другие науки. В лучшем случае, предметное поле философии в НаУКМА пересекается с культурологией или ре-лигиоведением, но даже такие близкие философии дисциплины, как, скажем, психология или социология, почти не преподаются. Вот перечень основных курсов, которые предлагаются студен-там бакалаврата, специализирующимся именно по философии: 1) Философская пропедевтика; 2) Античная философия; 3) Средневековая философия; 4) Философия эпохи Возрождения; 5) Философия Нового времени; 6) Немецкая классическая фило-софия; 7) Русская религиозная философия; 8) История восточ-ной философии; 9) Современная зарубежная философия; 10) История украинской философии; 11) Философская мысль в Ук-раине (барочный период); 12) Философия Платона; 13) Филосо-фия Ницше; 14) Экзистенциализм; 15) Философия Канта; 16) Философская антропология; 17) Философия истории; 18) Мета-физика; 19) Эпистемология; 20) Этика; 21) Эстетика; 22) Фило-софия имени; 23) Критическое мышление; 24) Введение в кано-ническую психологию; 25) Преподавание философии [4].

Как мы видим даже из названий курсов, философия замыка-ется почти исключительно сама на себе, а в редких случаях – в круге так называемых "гуманитарных наук". Физики с биологи-ей, математики с правом не заметно вовсе. Еще одним символом самоизоляции философии, характерной для НаУКМА, является и тот факт, что на магистерском уровне обучения кафедра фило-софии и религиоведения этого учреждения предлагает своим

воспитанникам лишь одну специальность – *история философии*. То есть, выходит что-то в таком духе: "Уважаемые студенты-философы, сосредоточим внимание на собственных узко-цеховых проблемах! Создадим на базе философии *науку о себе самой!*" Я абсолютно уверен, что такая стратегия презентации философии – замкнутый круг, колба, в которой, если четко следовать всем наперед заданным правилам, можно выращивать лишь искусственные (алхимические) субстанции, которые, кроме самих себя, практически никому не будут нужны.

А какие по этому поводу мысли у философов из Гарварда – одного из наиболее престижных и влиятельных университетов мира? Несколько иные, чтобы не сказать – прямо противоположные. На официальном веб-сайте Департамента философии Гарвардского университета [5] с абсолютной искренностью заявляется, что философия не является практическим предметом, что даже очень глубокое знакомство с ней не ведет автоматически к получению хорошей работы. Всех, кто заинтересовался философией, сразу предупреждают, что рабочих мест для чистых философов очень немного и следует быть готовыми к поискам профессионального счастья в других областях (журналистика, право, сочинительство, медицина, бизнес и др.). Подчеркивается также, что никаких признаков изменения ситуации к лучшему не заметно. Это, кстати, абсолютно точно подходит и к описанию ситуации, имеющей место и у нас. Даже другие профессии, присмотреться к которым рекомендует своим будущим выпускникам Гарвардский Департамент философии, так же избираются многими выпускниками отечественных философских школ. Ведь не секрет же, что подавляющее большинство выпускников кафедры философии НаУКМА занимают весьма респектабельные позиции в прессе, политике, в рекламном и в других видах бизнеса. Просто у нас о таких вещах говорить не принято, а если кто и говорит, то вполголоса и со скорбью на челе: "Был, мол, талантливый студент, да вот быт заел, погнался за длинным рублем".

Объясняется эта "фигура умолчания", наверное, тем, что, в отличие от Украины, Америка – страна с давними традициями рыночного мышления, то бишь с традициями, в Украине лишь

нарождающимися. Однако именно в контексте этой рыночной ориентации сразу возникает вопрос – уже к самой Америке: зачем тогда вообще эту философию изучать, если профессию практически стопроцентно избирать придется все равно другую? Ответ двоякий. Во-первых, авторы гарвардской философской веб-страницы подчеркивают, что глубокое знакомство с философской мудростью дает возможность быть в избранной, даже в самой что ни на есть прикладной профессии – *внимание! – более конкурентоспособным*. Этот чудесный амулет успеха в рыночной экономике появляется у молодых людей благодаря приобретенному во время изучения философии *более широкому видению* проблем. Однако, "меркантильным" американским преподавателям философии понятно также и то, что одного этого обещания "более широкого видения" не менее "меркантильным" американским студентам недостаточно. Нужен ряд мероприятий, чтобы гарантировать эту *широту*.

Поэтому вдобавок к вышесказанному Гарвард сообщает своим потенциальным и уже наличным студентам-философам: "Масштаб и уровень обобщений, характерные для философских поисков, нередко дают замечательную возможность объединить изучение философии с изучением какой-то другой дисциплины." Настоячиво рекомендуется такая форма специализации, как "joint concentration" (что можно перевести как "двойная" или "совместная специализация") в философии и в какой-то другой области.⁵ Не считается зазорным решение, параллельно с "graduate studies" (магистериум или аспирантура) в области философии, зарабатывать себе какой-нибудь "primary degree" (степень бакалавра или – в нашей традиционной системе – специалиста) в другой области. Что касается возможности стать участником "graduate studies" по философии, то всем претендентам рекомендуется: "Очень важно, чтобы аппликанты имели солидный уровень подготовки, причем не только в философии. Многие в учебных курсах останутся для них непонятным, если они не будут иметь хорошей подготовки в других областях". То

⁵ В других американских университетах это называют "double majors", что можно перевести как "две основные специализации".

есть: *философом можешь ты и быть, но и другое что-то знать обязан!*

Эта двойная ориентация (философия + какая-то другая дисциплина, причем далеко не всегда гуманитарная) сохраняется и в содержании курсов, которые предлагаются преподавателями самого Департамента философии. "В философии имеется много специализированных подразделов. В первую очередь это: философия логики и философия языка; эпистемология и философия науки; метафизика; философия морали и политики; эстетика. [Как видим, пока что все почти так же, как и в НаУКМА, однако там не упоминалось о философии **науки**, что уже само по себе очень эмблематично! Но далее идет еще более важная детализация – В.М.] Многие курсы сосредоточены именно на философских аспектах других наук: философия математики, философия языка, философия действия, философия права, философия сознания и др." Интересно также и то, что в историко-философских курсах предлагается изучение главным образом научно-ориентированных направлений: рационализм, эмпиризм, позитивизм, аналитическая философия. Огромное внимание уделяется логике.

На последнем пункте хотелось бы остановиться особо. Логические студии – лучший, если не единственный, путь, способный соединить философию с *наукой*. Тем не менее, именно со статусом логики, этой чрезвычайной и уполномоченной посланницы философии в науке (и науки в философии), у нас, опять-таки, определенные недоразумения. И опять-таки – в огромной степени с подачи великого Г.В.Ф.Гегеля. Да, после остановки советской идеологической машины мало кто из отечественных философов (исключение составляет разве что такой неггибаемый колосс местной версии диалектического материализма как В.А.Босенко⁶) продолжает утверждать о необходимости замены якобы "узко-формальной" логики Аристотеля универсальной "диалектической" логикой, позаимствованной марксизмом у Ге-

⁶ В прошлом году в Киеве была переиздана его некогда необычайно популярная монография "Диалектика как теория развития" [6].

геля.⁷ Однако в том же самом НаУКМА диалектический стиль философствования как таковой остается очень модным направлением философских изысканий. Маркса, естественно, все как один "подзабыли", но Гераклита и Платона со всем сонмом их "диалектически" мысливших последователей (включая Гегеля) уважают еще сильнее, чем в советские времена.

С другой стороны, формальная логика, которая, даже в своих наиболее авангардистских модификациях, очень осторожно относится к противоречиям, не вызывает ни у студентов, ни у авторов учебных программ особого восторга. Ее до сих пор очень сильно затевают атавизмы, которые остались от культа логики, которая имеет совсем другое происхождение и представляет собой путь, соединяющий философию совсем не с наукой, а с несколько иной духовной реальностью. Ничего особо удивительного в этом нет: мистические синтезы всего на свете, которыми активно спекулируют диалектики, интригуют молодежь (в особенности – творчески одаренную) значительно больше, чем ригористические логические выкладки сторонников закона исключенного третьего и прочих правил мышления, установленных Аристотелем. Кроме того, срабатывает ошибочная стратегия преподавания философии, сформировавшаяся в перестроечные и первые пост-перестроечные годы: все философские традиции – де равноценны; у всех философов, в разные эпохи и на разный манер боровшихся с "ограниченностью" формальной логики, была-де своя правда.

Правда, конечно, у них своя имела, да только *что* то была за правда? Сторонникам "историко-философской толерантности", ставящим Серена Кьеркегора в один ряд, скажем, с Вильямом Джемсом, как мне кажется, не следует упускать из виду следующее. Расстройство аристотелевского мышления, то есть переход к активному использованию логики, в соответствии с которой А может быть и В, и С, и чем угодно еще (включая даже и не-А), является признаком не только такой аристократической интеллектуальной традиции как диалектическое философствование, но и такой печальной формы разрыва с реальностью

⁷ См. дискуссию по поводу правомочности диалектического подхода на страницах журнала "Вопросы философии" [7].

как ... шизофрения.⁸ Среди основных черт шизофренического мышления, как выясняется, числится также и *адуализм*, т.е. настойчивое нежелание проводить грань между идеальным (мышлением) и реальным (бытием) [10. – С.278-279].⁹ Не за полное ли взаимопроникновение идеального и реального ратовали многие "философы тождества" (Шеллинг, все тот же Гегель и многие другие идеалисты, ныне, в отличие от Маркса и его последователя проф. Босенко, по-прежнему широко чтимые)? И еще: не является ли "уничтожение" реального (посюстороннего) в пользу идеального (потустороннего), прокламируемое вот уже два с лишним тысячелетия "незаангажированными" ретрансляторами мифа о пещере, не только актом приобщения к сокровищницам мысли, но и невольной пропагандой такой отнюдь не чреватой ни здоровьем, ни социальным успехом особенности мышления и поведения, как *аутизм*?

⁸ Впервые на факт радикального отказа шизофреников мыслить в соответствии с законами логики Аристотеля обратил внимание немецко-американский психиатр E. Von Domarus. Потому в современной психиатрической литературе этот специфический паттерн шизофренического мышления принято называть "принципом Von Domarus'a". [Весьма символично, что из четырех основных законов формальной логики, лишь первые три, т.е. те, которые были сформулированы самим Аристотелем, категорически игнорируются шизофреническим мышлением. Четвертый закон (достаточного основания), введенный двумя тысячелетиями позднее (Лейбницем) шизофреническим мышлением не отбрасывается, а лишь частично модифицируется. Невольно складывается впечатление, что основной проблемой логических поисков Аристотеля было установление критериев интеллектуального здоровья. Установив (в лице Стагирита) черты, четко отличающие мышление здоровое от мышления болезненного, всемирная формальная логика тем надолго и удовлетворилась. Со всем остальным можно было и подождать – пускай даже почти 2000 лет!] Основные идеи Von Domarus'a по данной теме изложены в работах: [8], [9]. Разработкой идеи Von Domarus'a касательно отрицания шизофреническим мышлением основных законов аристотелевской логики занимался один из ведущих мировых авторитетов в области изучения шизофрении – американский психиатр Сильвано Ариети. Анализ когнитивных трансформаций, характерных для шизофренического разрыва с реальностью, посвящена значительная часть его капитального труда под названием "Интерпретация шизофрении" [10].

⁹ Об этом феномене писал еще Пиаже: [11].

Не хочу запугивать читателя дальнейшими сопоставлениями подобного рода. "Заразить" студентов именно шизофренией, даже если некоторые ее симптомы декламируются в качестве "сокровищ философской мысли", и самым маститым лекторам не под силу. Принципиально важно другое. В Гарварде обнаруживается весьма отличная от "Киево-Могилянской" модель философского образования. В НаУКМА – философия сама в себе, философия как довольно абстрагированная от внешнего мира духовно-спекулятивная реальность, в лучшем случае – философия как способ духовного *само*-усовершенствования. В Гарварде – философия для других наук и в связи с ними. Философия как отдельный остров против философии как части большого материка. Возможно и так: мечтательность и нарциссизм против целеустремленности и прагматизма. Как это не больно признавать, но обрисованная выше "изоляционистская" модель философского образования, подталкивающая студентов к вечному возвращению к не менее вечным философским вопросам, и, наоборот, отталкивающая их от активной коммуникации с внешним научным (и не только научным) миром, имеет определенные, пусть и не такие суровые как шизофрения, патопсихологические коннотации.

Пять лет назад в книге известных отечественных исследователей я нашел описание специфического кризисного психологического состояния, в котором, вследствие действия определенных психотравмирующих факторов, оказываются некоторые подростки. Наименование этого состояния – **ФИЛОСОФСКАЯ ИНТОКСИКАЦИЯ**.¹⁰ "Философская интоксикация, – как считают специалисты, – это интенсивная интеллектуальная активность, направленная на самостоятельное решение "вечных проблем" – о смысле жизни, назначении человечества, роли Бога и религии и т.п. Подросток уделяет много внимания изучению соответствующей литературы, осмыслению и пониманию прочитанного, иногда старается отобразить свои мысли об этом в виде собственных философских произведений. ... Вообще "философская интоксикация" может быть необходимым и полезным периодом в развитии мировоззрения, но при недостаточности

¹⁰ У некоторых авторов – "метафизическая интоксикация".

эмоциональных связей с окружающими она может привести к "кризису утраты смысла жизни" [12. – С.215]. Так же и с отечественной философией. Ее собственная сосредоточенность на самой себе (то есть состояние, сильно напоминающее "философскую интоксикацию") вполне может оказаться полезным периодом в развитии мировоззрения. Однако при недостаточности интеллектуальных связей с окружающими философией науками и практическими занятиями заикленность на вечных проблемах может привести к аналогичному кризису – утере смысла существования. Только на этот раз – уже самой философии!

ИСТОЧНИКИ:

1. Г.І.Горак. Сучасна філософія як духовна основа життєтворчості // Вісник Міжнародного Соломонова університету, за 2001 р. – в печаті (цитата приводиться з любезного розрешення зав. кафедрою філософії Міжнародного Соломонова Університету проф. Горак А.І.)
2. Філософія. Курс лекцій: Навч. посібник / Бичко І.В., Табачковський В.Г., Горак Г.І. та ін. – К.: Либідь, 1993.
3. Гегель Г.В.Ф. Енциклопедія філософських наук: В 3 т. – М.: "Мисль", 1974.– Т.І.
4. См.: http://www.ukma.kiev.ua/univ/fac/FHS/departs/philos/f_cant.htm
5. См.: <http://www.fas.harvard.edu/~phildept/>
6. Босенко В.А. Діалектика як теорія розвитку // в кн.: Босенко В.А., Всеобщая теория развития. – К., 2001. – С. 5-286.
7. Спор о диалектике. – Вопросы философии. – №1, 1995. – С. 118-158.
8. Von Domarus, E., 1925, "Ueber die Beziehung des Normalen zum Schizophrenen Denken." *Arch. Psychiat.* 74: 641.
9. Von Domarus, E., 1944, "The Specific Laws of Logic in Schizophrenia." In Kasanin, J.S. (ed.), *Language and Thought in Schizophrenia: Collected Papers*, pp. 104-114. Berkley: University of California Press.
10. Arieti, S., 1974, *Interpretation of Schizophrenia*, 2nd ed., Completely Revised and Expanded (New York: Basic Books), pp. 215-302.
11. Piaget, J., 1929, *The Child's Conception of the World*. New York: Harcourt, Brace.
12. Н.Ю.Максимова, К.Л.Мілютіна, В.М.Піскун, Основи дитячої патопсихології. – К.: "Перун", 1996.